

А.В. ВИНОГРАДОВ

КИТАЙСКАЯ МОДЕЛЬ МОДЕРНИЗАЦИИ: ДИАЛЕКТИКА РЕВОЛЮЦИОННОГО РАЗВИТИЯ И СТАБИЛЬНОСТИ

Развитие Китая в последние три десятилетия привлекает всеобщее внимание устойчиво высокими темпами экономического роста и последовательным решением социальных проблем

На 17-м съезде КПК (октябрь 2007 года) поставлены новые амбициозные цели — к 2020 году создать в Китае самый большой в мире внутренний рынок, завершить индустриализацию и окончательно преодолеть бедность, войти в число мировых лидеров. Все достигнутые успехи и планы связываются в Китае с проводимыми реформами, которые по-прежнему провозглашаются центральной политической задачей. Возникает вопрос: не были ли революции, сотрясавшие Китай на протяжении более чем 60 лет, главным тормозом в его развитии, и какие концептуальные решения позволили преодолеть разрушительные последствия революций и преобразовать их энергию в поступательный импульс реформ?

В последнее десятилетие характер общественного развития Китая все чаще описывается идеологически нейтральным понятием «модернизация», которая в нынешнем виде связывается прежде всего с развитием западного мира. До Второй мировой войны альтернатива развития имела четкую определенность: капитализму противостоял социализм, последовательно и энергично утверждавший ведущую роль Европы в мире. Взаимодействие культурных миров за пределами коммунистической идеологии определялось термином «вестернизация», отражавшим политику западных держав в отношении «мировой периферии».

Образование после Второй мировой войны «третьего мира» усилило противостояние двух общественных систем, дополнив его конфликтом развитых и неразвитых государств. Тогда же появилась теория модернизации, обосновывавшая западный взгляд на развитие новых государственных образований и аргументировавшая неизбежность их движения в сторону западной модели развития.

Однако скоро стало ясно, что страны, избравшие эту модель, обречены на постоянное отставание, и что западная социальная матрица не воспроизводилась другими народами. Из чего вытекал вывод, что теория модернизации не реализуется на практике.

Андрей Владимирович Виноградов — старший научный сотрудник Института Дальнего Востока РАН, кандидат исторических наук

В 1980-е годы произошел отказ от идеологической конфронтационности. Основания для противопоставления марксизма и теории модернизации исчезли, и социализм перестал рассматриваться как принципиальный оппонент либерализма. В результате в 1990-е годы понятие «модернизация» стало подразумевать не столько средство приближения к европейскому типу социально-экономической организации, сколько особый тип развития. Его отличительной чертой является отсутствие четко выраженных периодов взрывного (революционного) и стабильного (эволюционного) развития. Модернизация, таким образом, предстала не просто сменой одного состояния другим, не только характеристикой трансформирующегося социального пространства, но и процессом постоянной смены, рассматриваемым в качестве одной из важнейших черт и ценностей современного общества.

Модернизация, таким образом, предстала не просто сменой одного состояния другим, не только характеристикой трансформирующегося социального пространства, но и процессом постоянной смены, рассматриваемым в качестве одной из важнейших черт и ценностей современного общества

Научно-технический прогресс, ставший основанием для глобального утверждения Западом своих культурных норм, вызвал их отторжение другими народами. Более того, как свидетельствует история XX века, все они постепенно, хотя и в разной степени, возвращаются к традиционному способу воспроизводства культуры, демонстрируя тем самым нарастающее многообразие развития. Сегодня этот процесс, опровергая постулат классической теории модернизации, затрагивает уже не отдельные нации-государства, а целые культурные ареалы.

Модернизация и Китай

Развитие Китая, с середины XIX века протекавшее под определяющим технико-технологическим влиянием Запада, после 1949 года — под воздействием социалистических идей, а сегодня приобретающее все большую самобытность, соединило эти качественно разнородные процессы. Три наиболее распространенные в XX веке модели общественного развития — переход от традиционного общества к современному, социалистическое строительство и взаимодействие «Восток – Запад» — сформировали в Китае принципиально новую модель, в которой крупномасштабные социально-экономические

и общественно-политические изменения становятся результатом целенаправленных усилий государства.

Зарождение новой эпохи совпало с вовлечением во всемирную историю все большего числа стран, перед которыми встала задача привести свой социально-экономический уровень в соответствие с мировым. Материалистическое понимание истории обусловило выбор марксизма рядом отсталых стран для решения задач национального и социального освобождения, а также для преодоления разрыва с мировыми лидерами.

Марксизм за пределами Европы стал преимущественно средством догоняющего развития. Утратив приоритет европейских нравственных ценностей, мобилизационная модель развития, тем не менее, длительное время не признавалась самостоятельной и получила наименование «государственно-административный социализм».

Зафиксировав генезис мобилизационного типа развития, идеи национального освобождения и социалистического строительства предложили обширные ниши для национальной культуры, что обеспечило политический успех их сторонникам. Только в конце XX века появились основания для того, чтобы связать этот тип развития с поисками национальной (цивилизационной) идентичности в социокультурной и социально-политической сфере.

До Второй мировой войны американские и западноевропейские обществоведы рассматривали Китай в традиционном европоцентристском ключе, уделяя внимание прежде всего вопросам влияния. После 1949 года общественные процессы в Китае стали рассматриваться с большей заинтересованностью. Успехи КНР в первое десятилетие социалистического строительства и поражение США во вьетнамской войне изменили отношение к КНР. Китайская революция была признана не только политическим и идеологическим явлением, но и явлением китайской культуры и истории. Тогда же было признано ошибочным противопоставление теории модернизации и марксизма как интеллектуальных альтернатив, а марксизм стал рассматриваться как один из вариантов теории модернизации.

Концепция «строительства социализма с китайской спецификой», выдвинутая китайским руководством в начале 1980-х годов, расширила рамки исследований современного Китая. Существенным стало признание уникальности древней китайской цивилизации и китайской общественной мысли, а также их влияния на современное развитие.

На рубеже третьего тысячелетия, когда кризис действующего мироустройства вызывает все большую обеспокоенность, изучение Китая мо-

жет пролить свет на фундаментальные тенденции глобального развития. Для этого необходимо: рассматривать развитие Китая в понятиях «традиционное — современное», «социализм — капитализм» и «национальная идентичность — глобализация»; проанализировать общие и специфические принципы социально-политической и социокультурной трансформации; интерпретировать роль марксизма в этом процессе; рассматривать представление о национальной идентичности как структурообразующий элемент современного мира.

Революция и модернизация

В середине XIX века Китай, как и Россия, столкнулся с вызовом западного мира. Но в отличие от России китайский императорский двор был не в силах расстаться с идеей собственного культурного превосходства и не смог преодолеть тысячелетних традиций китаецентризма. Предпринимавшиеся им меры по усвоению западных достижений были поверхностны и непоследовательны.

Китайские государственные чиновники, как и их русские предшественники, обратились к западным концепциям, а также к опыту России и Японии. Но инициаторы первой последовательной концепции преобразований — «100 дней реформ» (1898) — строго придерживались традиционной этики и не

Марксизм смог стать инструментом политической борьбы, не только объяснив социально-экономические закономерности феодализма, в которых китайцы легко угадывали собственную действительность, но и империализма, который им навязывал Запад

призывали к свержению строя, поэтому результаты первых китайских реформ были минимальными.

Следующий этап связан с появившимся в конце XIX века западнообразованным и независимым от государства социальным слоем. В своей политической программе Сунь Ятсен объединил две главные для Китая задачи: погоню за мировыми лидерами и смену режима. Наиболее важным вкладом в общественно-политическую мысль Китая стала идея Сунь Ятсена о возможности проведения насильственной революции, нарушавшая традиционные представления о ходе исторического процесса. Он первым стал связывать преобразования не с постепенным изменением взглядов императора и чиновников, а с уничтожением старых и утверждением новых общественных институтов. Однако энергии Синьхайской революции (1911) хватило только на слом старой машины, на обломках которой выросли ре-

гиональные милитаристские группировки. Милитаризм стал временной хозяйственно-политической формой выживания традиционной культуры. Предложить позитивную программу государственного строительства в этих условиях могла только революционная интеллигенция.

Европейские идеи социальной справедливости, вступив во взаимодействие с традициями китайской общины и патриотическими чувствами, привели к созданию идеологии нового типа, в которой тесно переплелись национальное и классовое. В отличие от других школ социалистической мысли, марксизм смог стать инструментом политической борьбы, не только объяснив социально-экономические закономерности феодализма, в которых китайцы легко угадывали собственную действительность, но и империализма, который им навязывал Запад. Интерес к марксизму значительно вырос после Октябрьской революции и образования Советского государства, продемонстрировавшего на практике способность эффективно противостоять не только вооруженной агрессии западных держав, но и самостоятельно развиваться. Появившаяся КПК (1921) считала настоящим марксизмом осуществленный в России большевизм и рассматривала марксизм прежде всего как государственную, а не классовую идеологию.

Последовавшая идейно-политическая и организационная реформа Гоминьдана с использованием советского опыта партийного строительства в начале 1920-х годов создала условия для политического союза с китайскими коммунистами. Появление мощной, хорошо организованной политической силы положило начало успешному освобождению страны от милитаристов и объединению ее под властью революционного правительства в ходе национальной революции 1925–1927 годов. Однако расширение влияния компартии обострило борьбу между крупнейшими политическими силами за лидерство. Гоминьдан не успевал за ростом политической активности населения, постепенно терял революционный импульс и был вынужден пойти на разрыв с КПК, быстро расширявшей свое влияние в массах и органах власти.

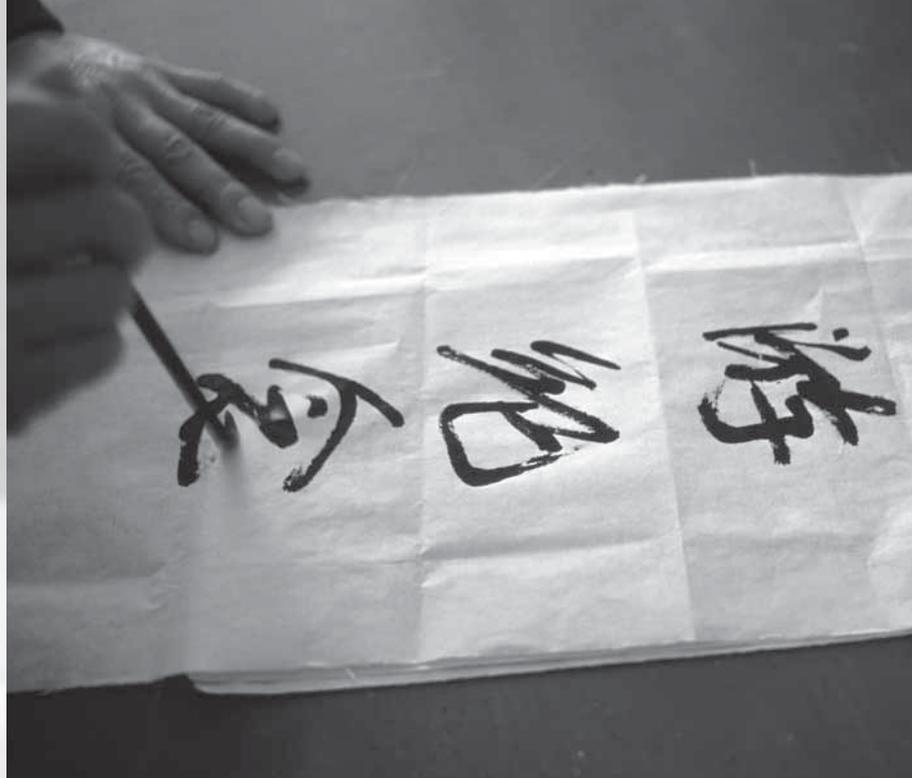
В 1930-е годы оформились характерные черты политической деятельности КПК: опора на практику, центральная роль армии, широкий союз на национальной, а не классовой основе и т.д. Вызревшая в этих условиях доктрина «китаизированного марксизма» привела к общему знаменателю европейских построений и китайские реалии политической борьбы и в конечном счете предопределила победу КПК.

После завоевания компартией власти в 1949 году революционные методы преобразований выглядели в равной степени применимыми и к экономическим процессам. Во многом поэтому программа форсированной индустриализации закончилась провалом. Мао Цзэдун сделал вывод о необходимости перенести центр преобразований на социальные отношения, искусственно создать зону социально-политического напряжения, чтобы вырваться за пределы традиционного общества и за рамки естественно-исторического развития.

Во время «культурной революции» (1966–1976) зависимость экономического развития от социально-политических факторов приобрела для маоистов абсолютный характер. История «культурной революции» и ее результаты позволили сформулировать основное противоречие социалистического строительства в Китае между экономическим детерминизмом марксистской теории и социокультурной реальностью, не подчинявшейся характерным для Запада законам общественно-го развития.

В ходе «культурной революции» был брошен вызов инерции социокультурной среды, но не извне, а изнутри. Подключив к процессу свободную от норм традиционного общества молодежь, Мао Цзэдун рассчитывал нейтрализовать влияние старых традиций. Но вместе с традициями исчезла и социально-политическая стабильность. Новые структуры власти оказались неспособны контролировать массовое движение. Мао был вынужден укрепить личную власть, ставшую единственной точкой общественной консолидации. Потенциал революции как важнейшего инструмента модернизации был, таким образом, исчерпан в ходе «культурной революции», возродившей традиции государственного управления.

Всем китайским революциям, начиная с Синьхайской и кончая «культурной», свойственны существенные общие аспекты, которые позволяют определить их место и функции в общественном развитии. Традиционные культура и социальная организация были не способны эффективно ответить на вызовы времени и внешние угрозы, но были еще достаточно сильны, чтобы сопротивляться внутренним попыткам реформирования. Усиливающееся давление внешней среды испытывало на прочность всю китайскую культурную традицию. Разная степень давления, испытываемая различными социокультурными слоями, обострила конфликт между ними, предопределив вооруженный способ урегулирования отношений и разрушения политической традиции, в первую очередь свержения ее носителей. Задача революционных

сил, готовых предложить альтернативную модель развития, состояла в том, чтобы сформировать новый механизм управления, способный воссоздать конкурентоспособную для мировой истории социальную организацию на месте и из материала прежней.

Так определился круг задач китайской революции. Во-первых, необходимо было разрушить прежнюю политическую организацию, начав с устранения высшего руководства, являвшегося главным носителем традиции. Во-вторых, необходимо было решить задачи переходного периода и удержать социум от распада и хаоса особыми, экстраординарными — мобилизационными и насильственными — методами, поскольку традиционные — этические и политические — не действовали.

Революции должны были осуществляться не просто вооруженными методами, но и при активном участии военных, на которых возлагалась задача сохранения общественной ткани от распада. Вместе с тем военные были не в состоянии создать новые социальные связи и принципы социальной организации. Изъяны военных методов организации мирной жизни предопределили недостатки социалистического этапа строительства, особенно на ранних стадиях. Поэтому рано или поздно перед обществом возникала необходимость перехода к гражданскому правлению, задача которого — конструирование нового социального организма.

К середине 1970-х годов выяснилось, что успешная модернизация невозможна при сохранении традиции, но и попытки полностью отказаться от нее не ведут к успеху. Необходимо было эмпирическим путем найти условия для синтеза традиционного и современного. Придание модернизаторской

роли традиционной культуре стало главной задачей КПК, сумевшей найти ее решение в китайской трактовке идей социализма.

Китайские реформы

Смерть Мао Цзэдуна (сентябрь 1976 года) кардинальным образом изменила политическую ситуацию в Китае. Дэн Сяопин заявил о своих претензиях на политическое лидерство и отказался от ключевых положений «культурной революции». Избранный им подход — не следование указаниям Мао, а завоевание авторитета практическими действиями. Переориентация на экономический прагматизм могла породить чрезвычайно опасные для идеократического государства конфликты. Стремясь их избежать, Дэн Сяопин обратился к марксистскому лозунгу: «Практика — единственный критерий истины», который стал методологической основой реформ.

В ходе начавшейся дискуссии Дэн Сяопин подчеркивал, что основные принципы марксизма-ленинизма, идеи Мао Цзэдуна «надо обязательно соединять с действительностью». 3-й пленум 11-го созыва (декабрь 1978 года) положил начало курсу экономических реформ. Выдвижение «четырех основных принципов» (приверженность социалистическому пути, диктатуре пролетариата, руководящей роли КПК, марксизму-ленинизму и идеям Мао Цзэдуна) очертило границы курса на развитие производительных сил, сохранив за реформами социально-политическую определенность.

Авторитет власти оказался в прямой зависимости от того, сможет ли она эффективно распорядиться результатами реформ: повысить уровень жизни, сократить отставание от ведущих стран мира и решить задачу национального объединения

Социально-экономическая природа «левых» ошибок, допущенных в годы «культурной революции», дала китайской общественной мысли основание характеризовать тогдашнее состояние общества как «начальный этап социализма» (НЭС), главной задачей которого является развитие производительных сил. В начале 1980-х годов стало окончательно ясно, что для продолжения реформ нужна такая теоретическая формула, которая бы примиряла принципы марксизма и социально-экономическую практику. Жесткий детерминизм марксистской модели в каждом конкретном случае стремился проверить экономическую целесообразность на соответствие идеологическим принципам, сдерживая проведение реформ.

Ссылка на цивилизационную специфику в этих обстоятельствах представлялась важнейшим аргументом в споре с классическими марксистскими построениями. Так проявился основной конфликт политического развития КНР 1980-х годов: между универсализмом экономической модернизации и особенностями исторического развития и национальной культурой.

Модернизация Китая на XII съезде (сентябрь 1982 года) была представлена Дэн Сяопином как «строительство социализма с китайской спецификой». Решение съезда о первоочередности экономического развития позволило зафиксировать новую точку консолидации. Но, провозгласив критерием эффективности экономический рост, КПК была вынуждена признать товарный характер экономики и многоукладность, а план и рынок — средствами экономического регулирования, а не экономическими антиподами. Постановление 3-го пленума ЦК КПК 12 созыва (октябрь 1984 года) положило начало радикальной экономической реформе. Дэн Сяопин на первое место поставил развитие производительных сил, а не осуществление принципа «от каждого по способности, каждому по труду», что оставило за социализмом в основном лишь функции инструмента.

С середины 1985 года стали появляться публикации, в которых указывалось, что «некоторые выводы Маркса отброшены новой практикой». Это позволило сформулировать новые критерии социалистического общества и отказаться от монополии общественной собственности на средства производства на начальных этапах социализма; от политики «военного коммунизма»; от придания конкретному опыту социалистического строительства универсального характера; от централизованной плановой экономики. Основными характерными чертами социализма предлагалось считать единство производительных сил и производственных отношений; характер производительных сил, определяющий отношения распределения; уровень обобществления. Это приблизило китайскую версию марксизма к современности.

Авторитет власти оказался в прямой зависимости от того, сможет ли она эффективно распорядиться результатами реформ: повысить уровень жизни, сократить отставание от ведущих стран мира и решить задачу национального объединения. Развитие товарного производства, признание многоукладности и допущение капиталистических анклавов в свободных экономических зонах позволили Китаю мирно вернуть колониальные владения Великобритании и Португалии — Гонконг и Макао. Концепция «одно государство — два строя» предложила

общественное устройство, в основе которого лежит не социально-экономический строй, а этнокультурное единство.

Отказавшись на 6-м пленуме ЦК КПК 12-го созыва (сентябрь 1986 года) от положения, что коммунистическая идеология является ядром духовной культуры, КПК тем самым перешла от использовавшей социально-политические факторы модели модернизации к прагматичной модели, использующей личную инициативу и социокультурные традиции. К XIII съезду КПК (октябрь-ноябрь 1987 года) была сформулирована ее новая идейная платформа: строительство «социализма с китайской спецификой» провозглашалось воплощением теории НЭС.

Изменившаяся социально-экономическая структура подготовила условия и для реформы системы управления. При формулировании на XIII съезде стратегической цели — достижения Китаем уровня среднеразвитых стран к 2050 году, Дэн Сяопин использовал понятие «сяокан» (традиционная китайская концепция «общества среднего достатка»), выглядевшее явной национальной альтернативой НЭС. И поскольку социально-экономическое развитие провозглашалось главной целью государства, то важнейшей задачей политической реформы стало поддержание стабильности и создание механизма адаптации к изменениям, вызванным рыночными преобразованиями.

В то время как политические дискуссии сосредоточились вокруг стабильности и демократии, теоретические дискуссии ушли в сферу культуры, возродив интерес к конфуцианству и проблемам китайской цивилизации. Наиболее перспективным для официальной идеологии вариантом эволюции стало рассмотрение вопросов, связанных с особенностями цивилизационного развития Востока и Запада. «Социализм с китайской спецификой» стали рассматривать как особый путь к новой социальной организации, благоприятный для стран с патриархальной системой и приоритетом государственных интересов над личными. В итоге концепция «сяокан» получила солидную теоретическую основу.

Руководство страны поставило перед собой задачу выстроить такую концепцию реформ, которая бы оптимальным образом связала власть КПК и стратегические цели Китая — экономическую мощь и авторитет на международной арене. В 1992 году Дэн Сяопин заявил о необходимости подчинить деятельность государства трем критериям: развитию производительных сил социалистического общества; укреплению совокупной мощи социалистического государства; повышению уровня жизни народа. Их стали считать критериями социализма (XIV съезд КПК, октябрь 1992 года).

Руководящей идеологией КПК на XIV съезде были названы «марксизм-ленинизм, идеи Мао Цзэдуна и теория Дэн Сяопина о строительстве социализма с китайской спецификой». В результате ее автор стал «архитектором реформ», встал вровень с Сунь Ятсеном, завоевавшим авторитет в качестве лидера национального освобождения, и Мао Цзэдуном, олицетворявшим социалистическую идентичность Китая.

В начале 2000 года Цзян Цзэминь сформулировал идею «трех представительств»: партия пользуется поддержкой народа потому, что всегда требовала развития передовых производительных сил, выражала интересы широких народных масс и передовой культуры. Отчетный доклад XVI съезду (ноябрь 2002 года) утвердил все теоретические новации и официально провозгласил в качестве нового социального ориентира общество «сяокан» и тем самым сделал еще один шаг в сторону исторической традиции. Данное на нем определение КПК как «авангарда китайского рабочего класса, китайского народа и китайской нации» создало благоприятные предпосылки для консолидации.

Политическая сила, выполняющая взятые на себя обязательства по преодолению отставания от других государств, неизбежно превращается в главную ценность модернизации

Передача власти от Дэн Сяопина Цзян Цзэминю стала успешным опытом политической преемственности. Передача власти Ху Цзиньгао позволила событию политической истории стать общественно-политическим институтом, центральным элементом формирующейся политической системы. Законодательное ограничение срока пребывания на высших государственных и партийных постах, механизм преемственности и соблюдение процедур легитимации сформировали новый механизм воспроизводства власти, который можно рассматривать как завершающий элемент китайской модели модернизации.

Жизнеспособность складывающейся в КНР общественной системы связана с тем, что политическая сила, выполняющая взятые на себя обязательства по преодолению отставания от других государств, неизбежно превращается в главную ценность модернизации. Ее политический успех обусловлен способностью мобилизовать традицию для достижения своих целей; политической организацией и волей; вниманием к науке как инструменту анализа текущей ситуации и определения тенденций развития.

***

Глобализация превратилась к концу XX века в важнейший фактор мирового развития. Изменившийся характер внешних условий был зафиксирован КПК, охарактеризовавшей теорию Дэн Сяопина как соединение марксизма не только с практикой Китая, но и со спецификой современной эпохи, «вскрывшее сущность социализма».

В начале XXI века в Китае сложилась общественная система, которая, структурно отличаясь от западной, стремится быть адекватной требованиям современного мира

В этих условиях КПК необходимо было вновь оценить характер внешнего влияния, учесть тенденции мирового развития, особенно взаимоотношения «Восток — Запад». Расширение сферы противостояния за счет культуры способствовало поискам идентичности в реконструкции национальной традиции, стихийно воспроизводившейся большинством элементов общественной жизни. В итоге в социализме было найдено не оптимистическое продолжение европейского развития, а цивилизационная перспектива Востока.

В начале XXI века в Китае сложилась общественная система, которая, структурно отличаясь от западной, стремится быть адекватной требованиям современного мира. Основные контуры этой системы изначально были присущи социализму — авангардная партия с традициями бюрократического управления и предлагаемая ею централизованная плановая экономика. Однако в процессе функционирования этой системы вскрылись ее недостатки: высокая социально-политическая активность масс дестабилизировала ситуацию и сдерживала экономический рост, а повышению темпов развития с помощью рыночных механизмов мешали идеологические принципы.

Китайская цивилизация восстановила традиционный принцип регулирования общественной жизни — не через авторитет силы, а через силу авторитета

Стихийное возрождение конфуцианских норм, на определенном этапе поддержанное властью, ослабило социальное напряжение, а предпринятые КПК внутренние преобразования преодолели революционный радикализм и инерцию партийного догматизма, превратив партию в признанный институт государственного управления. В итоге

китайская цивилизация восстановила традиционный принцип регулирования общественной жизни — не через авторитет силы, а через силу авторитета.

Цель Китая на нынешнем этапе — поиск стратегии развития, формирующей новую идентичность. Опыт социалистического строительства, интегрировавшего западную индустриальную культуру в национальные традиции и создавшего феномен мобилизационности, стал основой такого движения. Проводимая КПК политика модернизации приобретает новые черты, превращаясь из единовременного акта приведения реформируемого организма в соответствие определенным критериям в тип развития, стремящийся соответствовать постоянно повышающемуся уровню мирового развития.

Таким образом, в истории китайской модернизации можно отчетливо проследить две основные фазы: революционную и эволюционно-реформационную, которые поочередно сменяли друг друга. В ходе первой китайская цивилизация преодолевала инерцию и приводила в движение традиционную культуру, не подчинявшуюся реформаторским импульсам, создавая тем самым условия для перехода в новое качественное состояние. Однако достигаемый революционными изменениями рост был чреват тотальным разрушением социального организма. Именно поэтому все китайские революции (Синьхайская — 1911, национальная — 1925–1927, народная — 1949) сменялись периодом спада и попятного движения, вызывавшим потребность вновь и вновь прибегать к революционным методам. Что, в конце концов, привело к «культурной революции», на протяжении 10 лет последовательно уничтожавшей фрагменты традиционной культуры.

Второй фазой преобразований стали реформы, призванные трансформировать новую реальность в стабильную социальную систему. Институционализация мобилизационности в процессе реформ превратила ее из черты развития в более фундаментальную характеристику — элемент механизма развития. Всю вторую половину XX века общественное развитие Китая связывалось с социалистическим движением. Но по мере того как революционная фаза развития уходила в прошлое, характер общественного развития Китая все меньше связывался с социалистической парадигмой, и все настойчивее проявлялось желание по-новому концептуализировать его социально-историческую динамику.

К началу XXI века в Китае появились контуры новой модели, призванной преодолевать конфликты между властью и современной культурой, традицией и материально-техническим прогрессом, но ее

механизм не действует автоматически. Окончательный исход модернизации, таким образом, зависит от цивилизационной целостности, допускающей мобилизационность и сохраняющей в определенной мере элементы старых институтов, а также от целенаправленной деятельности политических партий и их лидеров, использующих социокультурные традиции для решения современных политических задач.

В истории китайской модернизации можно отчетливо проследить две основные фазы: революционную и эволюционно-реформационную, которые поочередно сменяли друг друга

На первом этапе модернизации доминирующей тенденцией было приобретение динамизма за счет заимствования западной культуры и западных форм исторического развития, способных вывести общество из состояния социально-политического застоя и начать движение в сторону западного мира, далеко ушедшего вперед в техническом и экономическом развитии. Освоение достижений Запада было невозможно в рамках старого общества, внутренние

Освоение достижений Запада было невозможно в рамках старого общества, внутренние связи которого необходимо было разрушить, а само общество сделать открытым для заимствований

связи которого необходимо было разрушить, а само общество сделать открытым для заимствований. Эта задача предопределила решающую роль революционных методов преобразований, способных преодолеть социокультурную инерцию. На следующем этапе главной стала интеграция заимствований и принесенных ими социальных изменений в социокультурную среду. Наступил этап взаимопроникновения и синтеза. По мере его осуществления все острее чувствовалась потребность закрепить

Политическая практика марксизма была воспринята в Китае, поскольку в России она уже была частично адаптирована для использования в восточных обществах

и эффективно использовать достижения Запада. Главной задачей стало обеспечение стабильности, которое потребовало усиления внимания к традиционной культуре. В процессе стабилизации началась стихийная, а затем все более сознательная и направ-

ляемая государством реконструкция традиционных структур, прежде всего социально-политических. Модель успешной модернизации включает, таким образом, элементы традиций политической культуры, применение и использование которых для текущих политических преобразований придает новой системе завершенность и превращает их в фактор стабильности.

Социализм применительно к Китаю — «социализм с китайской спецификой» — представляет собой мобилизационную социально-историческую модель, избранную китайской цивилизацией для овладения западными методами в целях преодоления разрыва в уровне развития.

Ведущую роль в успешном осуществлении модернизации играет общественная мысль, формирующая политические движения и партии, готовые провести социально-экономические преобразования, и осуществляющая синтез с социокультурными традициями. Выбор Китаем марксистской теории и идеологии, а затем и социалистического пути был продиктован не классовыми противоречиями и поиском путей достижения социальной справедливости, а давлением западного мира и необходимостью заимствовать адекватные для его отражения средства. Существенную роль в восприятии марксистской идеологии и практики сыграли социокультурные традиции Китая, близкие по своим параметрам европейским социальным утопиям.

Политическая практика марксизма была воспринята в Китае, поскольку в России она уже была частично адаптирована для использования в восточных обществах. Дав Китаю характерные для западной цивилизации инструменты преобразований, большевизм сыграл решающую роль в переходе Китая от традиционных форм общественного устройства к современным. При этом сам марксизм последовательно эволюционировал и как идеологическая концепция, и как общественно-политическая практика в направлении национальных традиций, сначала превратившись в большевизм в России, а затем в китаизированный марксизм в Китае.

Завершающим этапом эволюции модернизационной модели стало формирование нынешней политической системы. Важнейшими ее чертами являются механизм сменяемости власти, гарантирующей адекватное внимание нового руководства к вызовам и угрозам эпохи, и механизм преемственности, учитывающей как необходимость идеологической легитимизации в русле революционных традиций, так и соответствие социокультурным традициям страны. ■